Объ отцѣ Протоіереѣ Іоаннѣ Ильичѣ Сергіевѣ Кронштадскомъ по личнымъ воспоминаніямъ.

(Къ 3-й годовщинѣ со дня смерти).

Въ 1895 году въ концѣ мая и началѣ іюня я имѣлъ необыкновенное счастіе участвовать въ паломничествѣ въ Кронштадтъ къ отцу Іоанну, къ тому времени достигшему уже всемірной извѣстности. Я былъ тогда на второмъ курсѣ Московской Духовной Академіи. У насъ учился тогда нынѣшній Преосвященный Епископъ Михей Архангельскій. Онъ служилъ въ Кронштадтѣ капитаномъ, но, овдовѣвъ, принялъ монашество, по совѣту отца Іоанна, и поступилъ въ Московскую Академію.

Благодаря его истинно братскому содѣйствію, устраивались не разъ паломничества студентовъ нашей Академіи въ Кронштадтъ. Дальнѣйшій разсказъ объ этомъ паломничествѣ я предпочитаю вести буквальными выписками изъ своего студенческаго дневника, въ который занесены воспоминанія о паломничествѣ черезъ мѣсяцъ послѣ его окончанія.

30 мая во вторникъ я, простившись съ отцомъ ректоромъ, уходившимъ отъ насъ въ Казанскую Академію, во второмъ часу дня поспѣшилъ на вокзалъ. Тамъ уже была вся наша группа паломниковъ, состоящая изъ 16 человѣкъ студентовъ. Отецъ Михей нѣсколькими днями уѣхалъ раньше и извѣстилъ насъ телеграммой, что отецъ Іоаннъ дома, въ Кронштадтѣ. Объ этой поѣздкѣ я уже мѣсяца съ три думалъ непрестанно. Меня интересовало многое: и столица, которой еще не видѣлъ, и море, и Кронштадтъ съ его морскими крѣпостями, о которыхъ разсказывалъ о. Михей, и Петербургская Академія и Лавра и проч., но особенно, конечно, интересовался я видѣть знаменитаго отца Іоанна, о которомъ много слышалъ, много читалъ и думалъ.

Выѣзжая изъ Сергіева посада, я рисовалъ себѣ разныя картины, какія ожидалъ увидѣть. Чтобы не развлекаться въ этомъ пріятномъ занятіи я искалъ уединенія на платформѣ вагона. Погода этому благопріятствовала. Сѣверная весна была въ полномъ разцвѣтѣ.

Съ удовольствіемъ смотрѣлъ я послѣ недавнихъ экзаменовъ на окружающую природу-березовыя и сосновыя рощи, ручьи и долины, разстилающіяся по обѣ стороны желѣзной дороги. Настроеніе было почти торжественное. Припоминались кое-какіе стихи. По пріѣздѣ въ Москву, мы поспѣшили въ вагонъ почтоваго поѣзда, который въ половинѣ пятаго отходилъ на Петербургъ. Перемѣнившаяся погода и тѣснота въ вагонѣ и наступающія сумерки—все это нѣсколько испортило настроеніе духа и путешествіе до столицы прошло обычнымъ прозаичнымъ образомъ. Насъ развлекъ только одинъ пассажиръ—солдатъ, участвовавшій въ послѣдней русско-турецкой войнѣ. Онъ былъ очень простой и набожный человѣкъ. Онъ говорилъ, что, участвуя въ сраженіи и будучи даже раненымъ, въ то время себя не помнилъ и никого изъ непріятелей не видѣлъ изъ за ружейнаго дыма. „Кому—говорилъ онъ—назначено умереть, того убили, а кому нѣтъ, тотъ оставался живъ среди убитыхъ вокругъ него товарищей".

Онъ послѣ выздоровленія отъ раны путешествовалъ по разнымъ монастырямъ. Своими простыми разсказами о Валаамскомъ монастырѣ на Ладожскомъ озерѣ онъ возбудилъ у нѣкоторыхъ изъ насъ желаніе самимъ туда съѣздить, что и было исполнено послѣ паломничества къ отцу Іоанну... Наступила ночь, и мы по тѣснотѣ кое-какъ склонившись другъ на друга, дремали.

31 мая въ среду въ десятомъ часу утра пріѣхали мы въ столицу. Еще за много верстъ до этого я съ любопытствомъ всматривался вдаль, къ цѣли поѣздки. Издали виднѣлись Царское Село, Исаакіевскій Соборъ и другія большія зданія.

Непріятное впечатлѣніе производитъ то обстоятельство, что къ Питеру подъѣзжаешь какъ бы улицами, образующимися множествомъ товарныхъ поѣздовъ, стоящихъ на протяженіи верстъ десяти отъ столицы. Подъѣзжаешь къ городу, почти не видя его. Тѣмъ пріятнѣе было, когда освободившись отъ вагонной и вокзальной давки, вдругъ очутились на большой Знаменской площади. Замѣчалась какая то особая широта горизонта сравнительно съ Москвою и какой то особенный колоритъ воздуха —свѣтло свинцовый и немного туманный. Это впечатлѣніе живо осталось навсегда.

Когда послѣ того пришлось читать въ сочиненіяхъ Архіепископа Одесскаго Никанора о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ на него Петербургъ, то мнѣ навсегда запомнились слѣдующія его слова о Питерѣ: „Какой просторъ! какіе размѣры! сколько свѣту!" Дѣйствительно, такое именно впечатлѣніе производитъ сѣверная наша столица, когда пріѣзжаешь въ нее весною.

Большинство изъ нашей компаніи тотчасъ же отправились къ пароходу, а другіе трамваемъ въ Лавру и Духовную Академію. Присматриваемся къ людямъ. Замѣтно было болѣе развязности въ ихъ манерахъ, чѣмъ у Москвичей. Пріятно удивило и то обстоятельство, что почти всѣ крестились, проѣзжая мимо храмовъ. Въ Академію заѣхалъ я за землякомъ, чтобы и его пригласить въ нашу группу, но оказалось, что онъ уже съѣздилъ въ Кронштадтъ и объ о. Іоаннѣ выразился, что онъ производитъ

впечатлѣніе простого хорошаго сельскаго батюшки.

Осмотрѣвъ спѣшно Исаакіевскій и Казанскій соборы, я часа въ три дня сѣлъ на пароходъ „Котлинъ“, отправлявшійся въ Кронштадтъ. Пароходъ поразилъ меня своею незначительностію. Днѣпровскіе пароходы гораздо больше. По усталости я мало любовался видомъ на Ниву и заливъ. Сѣлъ среди пассажировъ 3-го класса и незамѣтно уснулъ. Разбудили меня уже въ Кронштадтѣ на пристани. Скоро нашелъ я знаменитый „Домъ Трудолюбія“, въ которомъ уже помѣстились всѣ мои товарищи по путешествію. Я такъ былъ радъ отъ сознанія и какъ бы чувства близости къ о. Іоанну, что не вѣрилось въ дѣйствительность, все казалось происходящимъ во снѣ. Почему то родина и родные всѣ живо въ то время вспоминались, и сердце преисполнялось чувствомъ благодарности къ лицамъ, устроившимъ это паломничество!

Конецъ дня 31 мая закончился пріятнымъ обѣдомъ послѣ воздержанія во время ѣзды до столицы, чаемъ и знакомствомъ съ смотрителемъ „Дома Трудолюбія“ Петромъ Онуфріевичемъ Якубовскимъ. Это былъ старый морякъ, много видавшій на своемъ вѣку. Ему было уже лѣтъ 60. Лицо его имѣло какое то немного странное выраженіе, благодаря его большимъ бровямъ. Разсказывалъ онъ о своихъ путешествіяхъ, объ о. Іоаннѣ и о нищихъ, содержащихся въ „Домѣ Трудолюбія“. Имъ давали работу только для того, чтобы они не сидѣли безъ дѣла: заработокъ не покрывалъ расходовъ на нихъ. Слѣпымъ давали отрѣзки старыхъ канатовъ, которые обращались въ клочья. Помѣщеніе, гдѣ работа эта производилась, называется „пенькощипной“. Кромѣ этой мастерской имѣется еще въ „Домѣ Трудолюбія“ около пятнадцати разныхъ учрежденій. Нѣкоторыя изъ нихъ мы тогда же бѣгло посмотрѣли. Часовъ въ 9 вечера я съ нѣкоторыми товарищами пошелъ посмотрѣть снаружи церковный домъ, гдѣ живетъ отецъ Іоаннъ; обыкновенный въ два этажа домъ, показавшійся необыкновеннымъ, таинственнымъ, хранившимъ тайну духовнаго роста обитателя его. Возлѣ дома и на сосѣднихъ улицахъ и на соборной площади сидѣли кучами паломники простолюдины. Были будни, но казалось, что тутъ какіе то святки. Похоже на то, какъ бываетъ къ Курскѣ передъ приносомъ иконы Знаменія Богоматери. Попадалось много нищихъ и калѣкъ, которые просили копеечку „ради Батюшки отца Іоанна“... Былъ десятый часъ вечера, а между тѣмъ солнце еще стояло на горизонтѣ, и по заходѣ его было такъ видно, что въ нѣкоторыхъ группахъ паломниковъ читали книги. Для меня это было очень интереснымъ и новымъ явленіемъ. Я впервые видѣлъ, что такое „бѣлыя ночи“. Паломники не расходились по квартирамъ, потому что хотѣли дождаться пріѣзда отца Іоанна изъ Петербурга. Въ одинадцатомъ часу послышался шумъ въ толпѣ и крики: „батюшка, батюшка!“ Дѣйствительно, онъ быстро подъѣхалъ къ воротамъ своей квартиры; ворота моментально раскрылись и также быстро закрылись. Мнѣ удалось изъ за толпы увидѣть только спину о. Іоанна, котораго кто—то сидѣвшій съ нимъ обнималъ своею рукою. Такая предосторожность была не лишняя, такъ какъ за отца Іоанна цѣплялись и могли даже стащить съ экипажа, по разсказамъ тамошняго псаломщика. И эта картина при въѣздѣ или выѣздѣ отца Іоанна повторялась ежедневно. Нѣсколько возбужденный видѣннымъ, я пошелъ въ „Домъ Трудолюбія“ на ночлегъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Объ отцѣ Протоіереѣ Іоаннѣ Ильичѣ Сергіевѣ Кронштадскомъ по личнымъ воспоминаніямъ.

(Къ 3-й годовщинѣ со дня смерти).

(Продолженіе).

1-го Іюня въ четвергъ въ пять часовъ утра мы всѣ были уже на готовѣ идти въ Андреевскій Соборъ къ ранней Литургіи, которую всегда совершалъ отецъ Іоаннъ соборне съ другими мѣстными и пріѣзжими священниками. Этотъ день особенно важенъ въ моей жизни, такъ какъ впервые приходилось увидѣть отца Іоанна лицомъ къ лицу, и я боюсь, что перо мое не выразитъ всего того, что я пережилъ въ этотъ день. Утро было облачное, но производило такое же пріятное впечатлѣніе мягкаго свинцоваго цвѣта, какое я испыталъ на канунѣ въ столицѣ.—До собора отъ „Дома Трудолюбія“ не далеко, саженей 200; пришли мы быстро; тутъ встрѣтились съ отцомъ Михеемъ, который повелъ насъ въ ограду, къ пономарнѣ.

Соборъ казался такимъ торжественнымъ; на паперти его и на площади передъ нимъ масса народу. Масса вела себя сдержанно въ ожиданіи прибытія отца Іоанна. Всѣ смотрѣли въ ту сторону, откуда долженъ показаться отецъ Іоаннъ. Многіе стояли у воротъ соборной ограды съ надеждой хитростію или силою пробраться въ ограду за экипажемъ о. Іоанна, чтобы ближе увидѣть его и получить благословеніе, а можетъ быть и матеріальную помощь. Намъ завидовали, что мы были въ оградѣ близъ пономарни. Вдругъ слышимъ шумъ и крики: „батюшка, батюшка!“ И вмигъ отецъ Іоаннъ въѣхалъ въ ограду и спѣшно подошелъ къ порожкамъ, ведущимъ чрезъ пономарню въ боковой Алтарь. Тутъ его схватилъ за рукавъ какой то человѣкъ лѣтъ 25, полный, бѣлый, безъ шапки, съ раскинувшимися волосами; онъ плакалъ и повторялъ: „батюшка благословите!“ Человѣка этого схватилъ пономарь и еще кто-то, и о. Іоаннъ не обратилъ на это, повидимому, никакого вниманія! Это не пріятно поразило меня. Возлѣ батюшки вмигъ образовалась куча людей, такъ что я не могъ и теперь разглядѣть лицо его. О. Михей успѣлъ на ходу представить отцу Іоанну человѣкъ четырехъ студентовъ; другіе не успѣли взойти на крыльцо пономарни, какъ отецъ Іоаннъ ушелъ уже въ Алтарь. Когда я съ другими вошелъ за нимъ, то увидѣлъ его стоящимъ у престола въ боковомъ Алтарѣ. Мы подходили подъ благословеніе, а онъ, указавъ на икону Спасителя, сказалъ отрывисто: „поклонъ!“ потомъ: „здравствуйте, господа студенты! очень радъ васъ видѣть“! Я былъ подъ первымъ непріятнымъ впечатлѣніемъ и все думалъ: „какъ же отецъ Іоаннъ не обратилъ вниманія на того бѣднаго парня?“ Съ такимъ настроеніемъ и подъ благословеніе подходилъ. Здорованіе это происходило быстро и въ нѣкоторой сутолокѣ, такъ какъ насъ было довольно много и въ Алтарѣ было полутемно. Поздоровавшись мы пошли въ средній большой Алтарь; отецъ Іоаннъ прошелъ близко отъ меня; сзади онъ казался совсѣмъ, что называется, непредставительнымъ! Я замѣтилъ теперь, что онъ росту средняго, а не высокаго, какъ мнѣ почему то казалось раньше; волосы у него недлинны и не густы; раздѣляясь на двѣ половины, они показывали загорѣлую шею и затылокъ. Походка у него скорая и съ перегибаніемъ на обѣ стороны. Онъ потиралъ руками и на ходу здоровался съ встрѣчавшимися священниками. Потомъ подошелъ къ престолу, опустился на колѣни, положилъ руки на престолъ, приложился къ нему и отошелъ къ жертвеннику; тамъ сдѣлалъ тоже самое. Послѣ этого вышелъ изъ Алтаря на клиросъ, гдѣ уже начали служить Всенощную (съ утра). До шестопсалмія я видѣлъ о. Іоанна нѣсколько разъ выходящаго и входящаго въ Алтарь къ жертвеннику. Тамъ на жертвенникѣ лежала кипа писемъ и телеграммъ съ просьбой къ о. Іоанну о молитвѣ. Служба шла съ замѣтными сокращеніями, очень просто, что называется, по деревенски; изъ каѳизмъ прочли кажется только одинъ псаломъ. Началось чтеніе канона. Мы стояли въ Алтарѣ. Вдругъ слышу раздается рѣзкій, разбитый голосъ, въ родѣ баритона. Признаться, голосъ этотъ мнѣ не понравился. Я спрашиваю сторожа, кто это? и узнаю къ удивленію, что это о. Іоаннъ. Мы вышли на клиросъ, стали прислушиваться, вникать. Впрочемъ, это не требовало никакихъ усилій, такъ какъ отецъ Іоаннъ увлекалъ слушателей, самъ увлекаясь, не скажу чтеніемъ, а переживаніями душевными по поводу читаемаго; это ясно замѣчалось. Голосъ его, къ удивленію моему, сталъ особенно нравиться.

Читая канонъ св. мученику Іустину, отецъ Іоаннъ такъ увлекался, что какъ бы видѣлъ сейчасъ предъ собою этого мученика. Особенно такое впечатлѣніе производило его обращеніе къ мученику: „св. мучениче Іустине, моли Бога о насъ“! Нѣкоторыя мѣста въ канонѣ отецъ Іоаннъ повторялъ дважды; это ничѣмъ другимъ объясняется, какъ только тѣмъ, что отецъ Іоаннъ не хотѣлъ пропустить ни одного слова безъ того, чтобы не проникнуть всецѣло въ его смыслъ и не принять его всецѣло къ сердцу. Если что нибудь мѣшало этому, или текстъ былъ не вполнѣ удаченъ въ переводѣ славянскомъ, то о. Іоаннъ и повторялъ читаемое. Оригинальнымъ было и то, что отецъ Іоаннъ вслухъ произносилъ названіе стихиръ. Обратившись нѣ-

сколько въ сторону, онъ бросалъ отрывисто: „кондакъ святому!“..... „Богородиченъ!“..... „Троиченъ!“ при чемъ предъ чтеніемъ сего послѣдняго произносилъ съ чувствомъ: „Пресвятая Троице, Отче, Сыне и Душе Святый! помилуй насъ!“ Досадно было, когда канонъ кончился! Хотѣлось бы вновь его прослушать! Начиналъ я понимать, что такое о. Іоаннъ! а до этого, право, была грѣшная мысль: „и чѣмъ взялъ этотъ человѣкъ?! будучи столь обыкновеннымъ по виду!“.

Кончили Утреню. О. Іоаннъ подошелъ къ намъ съ вопросомъ: „господа студенты! будете-ли сегодня причащаться?“ Мы сказали, что не успѣли послѣ дороги приготовиться, и просимъ его причастить насъ завтра. Онъ переспросилъ, близко наклонясь ухомъ къ говорившему студенту. Оказалось, что онъ немного глуховатъ. Онъ сказалъ: „говорите, господа, со мною громче! я плохо слышу! я и читаю такъ громко потому, что думаю, что не хорошо будетъ, если кто нибудь не разслышитъ читаемаго!“.

Совершивъ Проскомидію немедленно послѣ Утрени, отецъ Іоаннъ поспѣшно подошелъ къ Престолу. Подошли и другіе священники, человѣкъ шесть. Стали читать молитвы предъ началомъ Литургіи. Уже и тутъ можно было замѣтить особенную сердечность и искренность и силу молитвы о. Іоанна. Онъ слегка качалъ головою; потомъ взялъ крестъ и крѣпко поцѣловалъ его; это онъ дѣлалъ нѣсколько разъ во время Литургіи. Чуть раздался возгласъ о. Іоанна: „Благословенно царство“..,—какъ всѣмъ намъ стало очевидно, чѣмъ великъ отецъ Іоаннъ, въ чемъ его слава! Это олицетворенная вѣра и молитва! Онъ произносилъ возгласы съ какою то особенною внутреннею силою. Глаза его были закрыты, а смыслъ возгласа выражался весь въ его голосѣ, его позѣ и рукахъ.—Самая фигура его преображалась! онъ сталъ какъ бы выше, и прямѣе, и бодрѣе! Во время пѣнія антифона: „благослови душе моя Господа“... о. Іоаннъ медленно опустился на колѣни предъ престоломъ; и въ глазахъ его показались слезы. Нѣсколько разъ и послѣ показывались слезы, и о. Іоаннъ иногда вытиралъ ихъ платкомъ. Время отъ времени раздавались въ полголоса молитвенныя восклицанія о. Іоанна. Онъ казался витающимъ въ небесахъ съ Ангелами и Святыми и только къ тому времени, когда нужно было произносить ему возгласъ, онъ какъ бы спускался оттуда какъ разъ во время, не запаздывая и не поспѣшая, это казалось даже неожиданнымъ, такъ какъ онъ, повидимому, ничего не видѣлъ и не слышалъ! Послѣ возгласа: „пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое“... и „пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя“... о. Іоаннъ съ чувствомъ и слезами произнесъ: „о, божественнаго! о, любезнаго! о, сладчайшаго гласа Твоего, Христе“! Послѣ же пресуществленія святыхъ Даровъ и словъ: „аминь, аминь. аминь!“ о. Іоаннъ торжественно произнесъ: „Богъ во плоти явися! Слово плоть бысть и вселися въ ны!“ Возгласъ: „и сподоби насъ, Владыко, со дерзновеніемъ“ и т. д. о. Іоаннъ соединялъ вслухъ и однимъ и тѣмъ же тономъ съ „Отче нашъ!“ и т. д. Видно было, что все это у него было одною сплошною молитвою, умиленною и въ то же время дерзновенною. Онъ просилъ такимъ тономъ, который исключалъ возможность сомнѣнія въ полученіи просимаго. Эта вѣра и дерзновенность въ молитвѣ отъ о. Іоанна передавалась и всѣмъ присутствующимъ за его Богослуженіемъ. Этимъ и объясняется желаніе всякаго слышать его служеніе. Когда кончилась Литургія, мы чувствовали себя какъ бы побывавшими въ какой нибудь сказочно чудной странѣ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Объ отцѣ Протоіереѣ Іоаннѣ Ильичѣ Сергіевѣ Кронштадтскомъ по личнымъ воспоминаніямъ.

(Къ 3-й годовщинѣ со дня смерти).

(Продолженіе).

О. Іоаннъ, снимая уже поручи, подошелъ къ намъ. Мы всѣ кинулись къ нему за благословеніемъ, смотря на него уже другими глазами, просвѣтленными его служеніемъ. Онъ, благословляя, говорилъ намъ: „велика вѣра христіанская! сколько она даетъ утѣшенія человѣку, а особенно священнику! Совѣтую Вамъ, господа, принимать священство"! Тутъ о. Михей прервалъ его рѣчь словами: „батюшка, да тутъ всѣ и идутъ или во священники, или въ монахи!" О. Іоаннъ продолжалъ: „много бываетъ борьбы, но много и помощи и утѣшенія! Когда я совершаю Литургію, меня искушаютъ невидимые злые духи и трудно бороться съ ними! Только опытному борцу можно узнать ихъ и побороть! Ихъ побѣдить можно только глубокимъ смиреніемъ!"—„Ужъ какъ я Вамъ благодаренъ, батюшка, прервалъ его опять о. Михей: за то, что вы наставили меня на сей путь священства!" О. Іоаннъ какъ бы смѣшался немного и, обратившись къ о. Михею, сказалъ: „а я Васъ благодарю за послушаніе",

потомъ обратившись ко всѣмъ сказалъ: „идите, друзья мои, домой, кушайте чай, а я въ XI часовъ буду съ Вами обѣдать! а теперь ѣду къ больному!“ Мы, взявъ еще разъ благословеніе, радостные вышли изъ собора. Зашли къ фотографу, купили много фотографическихъ карточекъ о. Іоанна и прибыли въ Домъ Трудолюбія. Псаломщикъ о. Іоанна,—очень симпатичный человѣкъ,—и знакомый уже смотритель угощали насъ чаемъ, а служанки накрывали уже обѣденный столъ. Въ назначенное время о. Іоаннъ подъѣхалъ къ Дому Трудолюбія; за нимъ виднѣлась толпа народу. Нѣкоторые пробрались въ самый домъ и тѣснились въ корридорахъ. Явилась какая то интеллигентная барыня брюнетка, очень подвижная. Она служитъ въ Домѣ Трудолюбія, отказавшись отъ имущества и графскаго положенія, промѣнявъ это на удовольствіе провожать о. Іоанна по этажамъ и номерамъ громаднаго Дома Трудолюбія. Мы сошли внизъ встрѣчать о. Іоанна и едва успѣвали за нимъ, когда онъ быстро, не смотря на свои лѣта, поднимался къ намъ въ 4 этажъ. За нами вошли, проскользнувши мимо смотрителя, какая то женщина съ ребенкомъ и другая безъ ребенка и вся прислуга верхняго этажа.

О. Іоаннъ прочелъ „Очте напъ“, благословилъ трапезу и пригласилъ сѣсть. На столѣ стояли разныя закуски и бутылокъ десять вина. О. Іоаннъ распорядился, чтобы насъ угостили хорошо. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ и желе. О. Іоаннъ былъ необычайно простъ и любезенъ, именно какъ хорошій добрый сельскій батюшка. Самъ наливалъ намъ вино, самъ намазывалъ икрою бутерброды. Блюда подавались быстро, такъ какъ прислуга смотрѣла только за о. Іоанномъ, а онъ ѣлъ очень мало и очень быстро. Вина о. Іоаннъ не выпилъ, пожалуй, и рюмки. Онъ только немного, что называется, пробовалъ его, а насъ угощалъ, похваливая вино. Разговоръ шелъ о его бывшемъ пріѣздѣ въ нашу Академію, о нашемъ отцѣ ректорѣ, уходившимъ тогда въ Казанскую Академію, о священникѣ графѣ Толстомъ, перешедшемъ не задолго передъ тѣмъ въ католичество. Послѣ обѣда намъ подали на тотъ же столъ чай. О. Іоаннъ сказалъ служанкѣ: „мнѣ чаю не надо!“, а каждому изъ насъ бросалъ въ стаканъ сахаръ горстію до половины стакана, чтобы сдѣлать его слаже послѣдняго сладкаго блюда—желе. Прислуга все таки поднесла стаканъ чаю и о. Іоанну. Онъ машинально взялъ, помѣшалъ ложечкой, хлебнулъ и вдругъ сказалъ: „все таки поднесли! я же говорилъ, что мнѣ не нужно!“ Мы и прислуга улыбаясь сказали: „кушайте, батюшка!“ Онъ отхлебнувъ еще ложечку, отставилъ стаканъ. Я видѣлъ, какъ прислуга взяла себѣ этотъ стаканъ съ какимъ то благоговѣніемъ.

Прочитали молитву, и мы тотчасъ попросили о. Іоанна подписать намъ его фотографическія карточки. Не смотря на суетность этого обычая, когда знаменитаго человѣка просятъ невѣдомые ему люди подписать купленный его портретъ, о. Іоаннъ все таки снизошелъ къ этому и съумѣлъ вложить и въ это не важное дѣло—мысль и чувство. Одинъ военный священникъ пришелъ въ нашу комнату съ большимъ портретомъ о. Іоанна и просилъ его подписи для своего полка. О. Іоаннъ написалъ: „N—полку отъ прот. Іоанна Сергіева съ молитвой къ Царю Царей и Господу *мира*“. Одинъ изъ насъ хотѣлъ принять монашество, но его родители очень объ этомъ безпокоились. На карточкѣ имъ о. Іоаннъ написалъ: „родителямъ (такого то) съ совѣтомъ предоставить судьбу сына своего на волю Божію: все будетъ хорошо!“ Этотъ сынъ теперь епископъ Мамадышскій въ Казани. Интересно было наблюдать лицо о. Іоанна, когда онъ писалъ. Онъ весь уходилъ въ эту работу. Мускулы на лицѣ его какъ бы тоже писали. Карточекъ поднесли довольно много. Мы извинились, что затруднили его. На это онъ сказалъ: „писать мнѣ не трудно: я былъ въ Академіи письмоводителемъ!“ Послѣ этого двое изъ насъ просили еще особой аудіенціи, такъ какъ они собирались принять монашество. Аудіенція продолжалась минутъ по шести. Неизвѣстно, что имъ говорилъ отецъ Іоаннъ.—Одинъ изъ нихъ теперь выдающимся протоіереемъ въ Саратовѣ, а другой служитъ въ Петербургѣ по министерству финансовъ.

Какъ то среди разговора одинъ изъ насъ попросилъ у отца Іоанна разрѣшенія остаться всѣмъ намъ до субботы, чтобы участвовать въ общей исповѣди. Отецъ Іоаннъ сказалъ на это: „да, господа, это явленіе, которое стоитъ пережить, перечувствовать! Это истинно покаянный вопль! я вижу, чувствую, что всѣ каются искренно, и совѣсть не осуждаетъ меня, когда я читаю разрѣшительную молитву“.

При прощаніи мы брали у него благословеніе и цѣловали его еще въ щеку. О. Іоаннъ привѣтливо улыбался, клалъ свою руку кому на голову, кому на плечо. Тѣмъ не менѣе при взглядѣ въ его глубокіе голубые глаза казалось, что онъ далеко душой отъ окружающей обстановки.

Женщины, пробравшіяся въ нашу комнату контрабандой, все время держались за висѣвшую рясу отца Іоанна, прижимали ее къ своему лицу и отъ умиленія плакали.

Всѣ мы и администрація Дома Трудолюбія провожали о. Іоанна къ подъѣзду, а потомъ долго о немъ бесѣдовали, дѣлясь впечатлѣніями. Одинъ изъ насъ въ восторгѣ сказалъ: я теперь узналъ, что такое святой человѣкъ! я

представлялъ себѣ, что обличать, судить, клеймить все наше мірское и насъ—вотъ его дѣло! а теперь вижу, что я заблуждался. Какъ много можетъ быть у человѣка ласки къ взрослымъ! любви и сочувствія!

Лично отъ себя я сказалъ тогда, что изъ многихъ, знаемыхъ моихъ учителей, іереевъ и другихъ лицъ, больше всѣхъ несравненно поразилъ меня бывшій тогда отецъ ректоръ Московской Академіи Архимандритъ Антоній. При первомъ же знакомствѣ съ нимъ я сказалъ себѣ: вотъ человѣкъ новый, невиданный мною и не воображаемый даже, но теперь при знакомствѣ съ о. Іоанномъ Кронштадскимъ я скажу, какъ недосягаемо выше онъ нашего выдающагося отца ректора! Въ сравненіи съ нимъ это тоже совершенно новый человѣкъ, другого типа!

Часа черезъ два послѣ оживленныхъ воспоминаній каждаго слова, каждаго жеста о. Іоанна, мы поѣхали осмотрѣть Ораніенбаумъ. По дорогѣ мы зашли въ книжную лавку при Домѣ Трудолюбія и купили нѣсколько брошюръ о. Іоанна изъ его книги: „Моя жизнь во Христѣ“. И вотъ что мы замѣтили: его сочиненія, казавшіяся ничѣмъ особеннымъ не выдающимися, теперь получили не скажу:—вдвое, а вдесятеро больше интереса и смысла! Возвратившись изъ Ораніенбаума, мы читали вечернее правило къ причащенію.

На другой день 2 іюня въ пятницу мы предъ Литургіею исповѣдывались у о. Андрея Попова, священника при домовой церкви въ Домѣ Трудолюбія. У жертвенника стоялъ о. Іоаннъ и совершалъ Проскомидію, читая при этомъ телеграммы и письма съ просьбой о молитвѣ. Мы замѣтили моментъ, когда о. Іоаннъ снялъ поясъ и бросилъ его на близъ стоящій столъ. Не знаю, чѣмъ объяснить это. Когда онъ кончилъ читать письма и телеграммы, одинъ изъ моихъ товарищей подошелъ къ нему и сказалъ: „помяните, батюшка, моего больного отца раба Божія Василія!“ О. Іоаннъ, поклонившись въ сторону просителя, отвѣтилъ: „Вашъ покорнѣйшій слуга“! Послѣ этого товарищъ подаетъ ему записку съ именами всѣхъ своихъ родичей и говоритъ: „а эту записочку хоть подержите немного въ своей рукѣ, батюшка! я не хотѣлъ бы затруднять и задерживать Васъ!“ О. Іоанну понравилась эта вѣра просителя. Онъ сочувственно пожалъ руку просителя и положилъ потомъ свою руку на его голову. Послѣ товарища подошелъ и я съ своимъ спискомъ больныхъ; подаю ему и говорю: „помолитесь. батюшка, и за сихъ больныхъ; особенно вотъ за этого, больного эпилепсіей, и за этого іерея, овдовѣвшаго и находящагося теперь въ очень большомъ искушеніи; онъ просилъ меня передать Вамъ объ этомъ!“ О. Іоаннъ, водя пальцемъ по запискѣ, быстро спрашивалъ: „гдѣ, гдѣ они?“ какъ будто бы эти лица не именами своими, а самою дѣйствительностію тамъ были; когда я подчеркнулъ ихъ, онъ сказалъ: „вотъ это, это“? и потомъ объ эпилептикѣ сказалъ: „это дѣло сатаны!“ а объ іереѣ: „это къ сожалѣнію обычная участь вдовцовъ!“ Совѣстію удостовѣряю, что съ того года доселе у упомянутаго эпилептика не было ни одного припадка; а упомянутый іерей кажется въ то же лѣто заболѣлъ и „пострадавый плотію преста отъ грѣха“ и, кажется, въ слѣдующемъ послѣ того году мирно скончался.

За Литургіей мы стояли въ Алтарѣ и опять восхищались молитвой о. Іоанна. Послѣ причастнаго стиха мы вышли на солею и причастились Св. Таинъ. Въ это время какая то женщина громко протестовала противъ сторожей, не допускавшихъ ее къ чашѣ. Мы не понимали, почему о. Іоаннъ не обращалъ на это никакого вниманія. Женщина стояла предъ запертой рѣшеткой и стала уже и на насъ покрикивать: „а, вамъ тамъ хорошо! увидите, какъ будетъ на томъ свѣтѣ, въ аду!“ Повидимому, она была помѣшанной. Въ это же время послышался въ храмѣ крикъ кликуши, похожій на частую сильную икотку. Пѣвчіе съ клироса, обратившись въ сторону кричавшей, говорили: „выведите ее, выведите вонъ!“ Намъ послѣ говорили, что когда ее въ домѣ подводили къ о. Іоанну, она сопротивлялась, а когда подвели силою, она плюнула ему въ лицо. Но отецъ Іоаннъ возложилъ на нее руку и она успокоилась и исцѣлилась.

Послѣ Литургіи о. Іоаннъ благословилъ насъ, поздравилъ съ принятіемъ Св. Таинъ, далъ по просфорѣ и сказалъ, что у насъ сегодня не будетъ.

Пообѣдавъ, мы разбрелись въ разныя стороны осматривать Кронштадтъ. Вечеромъ отецъ Михей пригласилъ насъ въ домъ къ одной вдовѣ, у которой также останавливались пріѣзжіе паломники. Тамъ мы и другіе пріѣзжіе читали правило къ причащенію на завтра, на субботу. Въ комнатахъ было очень тихо, уютно, чисто. Стѣны увѣшаны портретами о. Іоанна разной величины и видовъ. Причемъ два или три висѣли рядомъ съ иконами. По словамъ отца Михея, у этой самой вдовы отецъ Іоаннъ недавно сорвалъ со стѣны свой портретъ, висѣвшій рядомъ съ иконами, порвалъ его и ушелъ, не ставъ служить у нея молебна. Но вдова не унывала; и новый портретъ появился на прежнемъ мѣстѣ. Почитаніе ею отца Іоанна доходило до суевѣрія. Она стала разсказывать намъ какую-то чудесную исторію о появленіи темнаго пятна на портретѣ о. Іоанна всякій разъ, когда ему была какая нибудь непріятность. Женщина эта

читала акафистъ съ очень важнымъ видомъ, надѣвая очки, лежавшіе на столѣ предъ образами; при чемъ и съ очками такъ торжественно обращалась, какъ будто они тоже были священной вещью. Мы промежъ себя шептались, что она должно быть и есть изъ числа тѣхъ „богомолокъ“, которые занимались эксплоатаціей паломниковъ. Отца Іоанна такъ же мало было основаній обвинить въ этомъ, какъ и Спасителя за то, что у него былъ ученикъ Іуда. Насъ очень удивляли нападки даровитаго писателя Лѣскова (см. его разсказъ: „Полунощники“), г. Протопопова (см. его „Черные вороны“) и разныхъ газетъ на о. Іоанна за то, что его именемъ и близъ него творились иногда безобразія. Такія нападки можно объяснить только завистью или недомысліемъ. Отцу Михею мы были благодарны за то, что онъ знакомилъ насъ съ разными типами.

3-го іюля въ субботу утромъ мы шли въ Соборъ съ какимъ то особеннымъ настроеніемъ въ виду предстоящей общей исповѣди. Одни изъ насъ пошли чрезъ пономарню, а другіе пробовали пробраться среди народа—тысячъ въ пять—въ храмѣ къ солеѣ, а потомъ и въ Алтарь за сторожами, носившими на головахъ просфоры въ большихъ корзинахъ. Мы кое какъ добрались до солеи; но дальше нельзя было. Сторожа боялись отпереть дверцу, такъ какъ не удержали бы тогда желающихъ проникнуть на солею и въ Алтарь, а тамъ уже и безъ того было человѣкъ со сто, не меньше. Сами же сторожа перелѣзали черезъ рѣшетку.

Тогда мы опять вышли изъ храма и пошли черезъ пономарню въ Алтарь, а оттуда на клиросъ участвовать въ чтеніи и пѣніи. На клиросъ приходилъ и отецъ Іоаннъ. Теперь я понялъ, куда и зачѣмъ о. Іоаннъ нѣсколько разъ выходилъ изъ Алтаря, когда мы тамъ стояли. Онъ любитъ участвовать въ пѣніи стихиръ. На „Господи воззвахъ“, на „Стиховнѣ“ и на „Хвалитехъ“ всѣ стихиры пѣлись, а ектеніи нѣкоторыя и кафизмы выпускались. Отецъ Іоаннъ пѣлъ такимъ мотивомъ и даже съ такими манерами, какъ поютъ старые дьячки, только съ сильнымъ воодушевленіемъ. Когда мы при пѣніи одной стихиры поспѣшили; то отецъ Іоаннъ отсталъ отъ насъ въ пѣніи и насъ возвратилъ назадъ, начавъ давать размѣренные махи рукою предъ собою, глядя въ книгу. На Утрени при пѣніи одной стихиры мы почти сбились, но о. Іоаннъ нисколько не смущался и продолжалъ пѣть одинъ съ равнымъ воодушевленіемъ, какъ бы совершенно не замѣчая окружающаго. Господь Богъ—и онъ предъ Нимъ съ мыслію: „работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ“ и „пойте Богу разумно“. Мы получили большой урокъ! Отецъ Іоаннъ болѣе и болѣе возвышался въ нашихъ глазахъ.

За Литургіей мы опять стояли въ Алтарѣ. Думалось, услышимъ тѣ же молитвы о. Іоанна, увидимъ тѣ-же жесты, тѣ-же колѣнопреклоненія и въ тѣ-же моменты... Но нѣтъ!—у о. Іоанна ничего не было заученнаго! Онъ былъ всегда новымъ, „обновляемымъ по вся дни“, каждый разъ—казалось—видишъ его вновь!—Что мы видѣли въ этотъ разъ того поистинѣ нельзя передать не только перомъ, но и всѣми послѣдними научными усовершенствованными способами! Ни цвѣтная, ни живая фотографія, ни фонографъ не могли бы запечатлѣть того, что было, ибо за внѣшнею видимостію невидимо для глазъ, но ощутимо для сердца проявлялся „Духъ Животворящій“. Только присутствіе въ Алтарѣ множества лицъ сдерживало у каждаго рвущіеся наружу возгласы восторга, благоговѣнія, умиленія, благодаренія! Многіе служащіе и не служащіе вытирали льющіяся слезы.

Для причастниковъ готовились три большихъ чаши. Въ моментъ пресуществленія о. Іоаннъ, указывая на каждую изъ нихъ говорилъ какъ то особенно дерзновенно: „а еже въ чашѣ сей, сей, сей, честную кровь Христа Твоего“... Потомъ послѣ причащенія—священнослужителей, отецъ Іоаннъ въ одушевленіи произнесъ нѣсколько неразслышанныхъ нами словъ и наконецъ воскликнулъ: „восплещите руками гласъ радованія“! И дѣйствительно всплеснулъ руками. Конечно, это было слѣдствіемъ высокаго подъема чувства и немогло быть никѣмъ, даже и самимъ отцомъ Іоанномъ, повторяемо ежедневно, какъ удачно взятый жестъ. Потомъ всѣ сослужащіе Іереи стали раздроблять Агнца для причастниковъ. Отецъ Іоаннъ также. При этомъ, всегда быстрый, порывистый, онъ на сей разъ дѣйствовалъ неспѣшно, тихо, спокойно; въ глазахъ у него блестѣли слезы, и онъ такъ-же медленно и съ чувствомъ явнаго умиленія читалъ: „Да молчитъ всякая плоть человѣча и ничто-же земное въ себѣ да помышляетъ: Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ“ и потомъ: „Тебе, одѣющагося свѣтомъ яко ризою, снемъ Іосифъ съ древа съ Никодимомъ“... и т. д. Слова: „мене ради волею подъемша смерть“ о. Іоаннъ повторилъ трижды и потомъ, слегка покачивая головою, о. Іоаннъ при словахъ: „коима ли рукама прикоснуся нетлѣнному Твоему тѣлу“ какъ бы сдержанно всхлипнулъ, и слезы у него закапали; потомъ еще слышно было, какъ о. Іоаннъ сказалъ: „многіе пророки и цари желали видѣть, что мы видимъ и не видѣли“... Какъ все, сказываемое о. Іоанномъ

было чудно умѣстно, и какъ въ то же время просто! Хотѣлось бы въ отвѣтъ на его послѣднія слова громко воскликнуть: „да, именно, именно... аминь, аминь“!..

Не могу не привесть здѣсь выписки изъ сочиненія Генри Друммонда: „Естественный законъ въ духовномъ мірѣ“, имѣющей, по моему мнѣнію, отношеніе къ о. Іоанну. „Существуютъ характеры, говоритъ Друммондъ,—которые выдѣляются изъ толпы, не проникаются атмосферой и воззрѣніями окружающаго ихъ общества и производятъ на все вліяніе, указывающее на небесное происхожденіе. Встрѣчая такую личность, мы невольно задаемъ вопросъ, какъ можетъ она обладать такими свойствами? Неужели она заимствовала ихъ изъ окружающаго общества? Этого не можетъ быть, потому что все въ ней вполнѣ отлично отъ того, что встрѣчается въ этомъ мірѣ... Въ этихъ личностяхъ нѣтъ ничего стаднаго, а напротивъ все тутъ блещетъ своеобразіемъ. Нѣтъ ни малѣйшаго отраженія моды или тона внѣшняго міра. Все въ нихъ проистекаетъ изъ внутренняго источника,—и это тѣ созданія, о которыхъ Евангеліе говоритъ: „не знаешь откуда они приходятъ“. *) Думаю, что каждый согласится, что эти слова больше всего могутъ относиться именно къ о. Іоанну.

Продолжаю дальше о пережитомъ 3 Іюня 1895 года. Литургія была окончена своимъ порядкомъ. Послѣ „Благочестивѣйшаго“... Царскія врата закрылись. Весь народъ ждалъ Причастія, которое совершается въ день общей исповѣди послѣ Литургіи. Изъ Алтаря вышелъ на амвонъ журналистъ Зыбинъ, одинъ изъ біографовъ о. Іоанна, здоровенный мужчина съ громкимъ голосомъ, и прочелъ молитвы предъ началомъ исповѣди. Потомъ вышелъ изъ Алтаря отецъ Іоаннъ читать молитвы, какія положено читать священнику. Послѣ прочтенія первой молитвы, о. Іоаннъ обратился лицемъ къ народу и началъ объяснять эту молитву. Объясненіе было краткое, но сильное и обстоятельное. Теперь жалѣю, что въ тотъ день не записалъ его. Оно почти буквально врѣзалось было въ память. Имѣющееся же въ печати далеко не походитъ на то, которое мы слышали 3 іюня 1895 г. изъ устъ о. Іоанна.

Онъ началъ со словъ: „Св. Церковь, братіе и сестры, предлагаетъ сію молитву вниманію исповѣдующихся, чтобы они изъ примѣровъ покаявшихся Давида и Манассіи научились сами каяться, а не отчаяваться. Но можетъ быть не всѣ изъ Васъ знаютъ, что такое Церковь?!“ и тутъ же объяснилъ понятіе о Церкви, какъ учрежденномъ на землѣ Господомъ Спасителемъ обществѣ спасающихся благодатію Божіею чрезъ посредство особыхъ служителей—Апостоловъ и ихъ преемниковъ, къ числу которыхъ принадлежитъ онъ „грѣшный пастырь“; при свидѣтельствѣ его пришедшіе сюда въ храмѣ исповѣдуютъ свои грѣхи для того, чтобы получить прощеніе и впредь исправляться и исправляться. Послѣ этого о. Іоаннъ объяснялъ примѣры покаянія Давида и Манассіи. Еще на срединѣ его объясненія многіе начали плакать и при томъ вслухъ, такъ что о. Іоаннъ принужденъ былъ, поднявши руку, громко воскликнуть: „тише! замолчите и слушайте!“ Громкій плачъ утихъ, и о. Іоаннъ началъ читать другую молитву. Дочитавъ до словъ: „Ей Владыко Человѣколюбче, Господи! услыши насъ, молящихся Твоей благости“... о. Іоаннъ, наклонившись къ аналою грудью и взирая на образъ Спасителя, продолжалъ съ большою силою и выразительностію: „Ты бо реклъ еси, Владыко, елика аще свяжете на землѣ, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небеси“, потомъ еще съ большею силою повторилъ эти слова какъ бы даже на распѣвъ, такъ медленно и раздѣльно....

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Рус. бес. 1895 г. Іюль. Стр. 83--84.

ТОМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 52-й. 1910. 24 Декабря.

Часть неоффиціальная.

СОДЕРЖАНІЕ: Объ отцѣ Протоіереѣ Іоаннѣ Ильичѣ Сергіевѣ Кронштадтскомъ по личнымъ воспоминаніямъ (Окончаніе). Отвѣтъ на недоумѣніе. Деревня о Толстомъ. Некрологъ. Объявленія.

Объ отцѣ Протоіереѣ Іоаннѣ Ильичѣ Сергіевѣ Кронштадтскомъ по личнымъ воспоминаніямъ.

(Къ 3-й годовщинѣ со дня смерти).

(Окончаніе).

Этой молитвы не удалось объяснить о. Іоанну. Его заглушили плачъ и рыданія. Одна женщина, стоявшая недалеко отъ солеи, поднимала надъ своею головою кулакъ и часто ударяла имъ себя. О. Іоаннъ успѣлъ все таки сказать приблизительно слѣдующее: „кайтесь! кайтесь! бѣдные грѣшники, братья мои и сестры! Кайтесь въ безчисленныхъ грѣхахъ, вами содѣянныхъ! Оставьте блудъ, прелюбодѣйство, пьянство, воровство, сквернословіе, малакійство, мужеложство, скотоложство... ибо нѣтъ такого грѣха, какого человѣкъ не содѣлалъ бы!“ Послѣ этихъ словъ поднялся ужаснѣйшій вопль, крики, рыданіе, такъ что еслибы кто изъ невѣрующихъ проходилъ мимо собора въ это время, то не усумнился бы подумать, что въ немъ собрались люди не при своемъ умѣ; но онъ ошибся бы: здѣсь каждый, пришедъ сюда вонъ изъ дома своего, „плакася горько“, подобно Апостолу Петру, о своихъ отреченіяхъ отъ завѣтовъ Спасителя: кто о прожитой въ разгулѣ жизни, кто изнуренный въ борьбѣ съ какою либо страстью, кто отъ сознанія себя никуда негоднымъ человѣкомъ!...

Мы были не участниками только, какъ всѣ прочіе, но и наблюдателями. Не скрою, что мы вполнѣ владѣли собою и старались хорошо осмыслить все происходящее. А происходящее было единственнымъ въ исторіи церкви явленіемъ! Была исповѣдь извѣстныхъ лицъ предъ всей общиной, по исповѣди всѣхъ предъ всѣми, исповѣди пяти тысячъ человѣкъ, прибывшихъ съ разныхъ мѣстъ, исповѣди лицъ разнаго имущественнаго и общественнаго положенія отъ босяка до столичнаго вельможи, —такого явленія, можно утверждать, не было и врядъ ли будетъ. И какой силы духа нужно было достигнуть пастырю, чтобы ввести такое явленіе! Это требуетъ своего будущаго историка, какъ его „Жизнь во Христѣ“ своихъ богослововъ.

(Нѣсколько человѣкъ, окончившихъ академіи, получили ученыя степени кандидата Богословія за разработку темъ именно изъ его „Жизни во Христѣ)“ *)...

Съ нашей стороны было ошибкой, что мы

*) См. Богосл. Вѣсти. 1895 г.

стояли всѣ вмѣстѣ, кучкой; мы больше извлекли бы душевной пользы, еслибы растворились въ массѣ. Въ выраженіи своихъ лично чувствъ мы взаимно стѣснялись. Наклонивъ голову, а потомъ ставъ даже на колѣни, я старался во всей силѣ почувствовать важность момента; но удалось это только тогда, когда я, поднявъ голову, посмотрѣлъ на о. Іоанна. Онъ стоялъ лицемъ къ народу, держа въ рукахъ св. крестъ и иногда чуть—чуть качая головою; у него обильно лились слезы, которыя онъ раза два вытеръ платкомъ. Выше этой сцены, умилительнѣе и поразительнѣе я ничего не могу представить, вообразить или сочинить! Добрый пастырь плакалъ горько о чужихъ грѣхахъ какъ-бы о своихъ собственныхъ! Что онъ думалъ въ тѣ минуты, какія чувства переживалъ, можно судить по его дневнику, но чтобы не умалить ихъ своею передачей, въ данномъ случаѣ „удобнѣе хранить молчаніе“. Видъ плачущаго о. Іоанна вызвалъ слезы и у меня, и у моихъ товарищей. Мы приникли къ полу.

Прошло минутъ восемь. О. Іоаннъ обратился къ Алтарю и началъ громко читать третью молитву. Крики и шумъ утихли. По прочтеніи молитвы, о. Іоаннъ простиралъ свою епитрахиль въ разныя стороны и говорилъ бодро, дерзновенно: „благодать и прощеніе!“ „благодать и прощеніе!“. Всѣ, стоявшіе на солеѣ, толкаясь въ тѣснотѣ, подходили къ о. Іоанну приложиться ко кресту съ такимъ видомъ, какъ еслибы въ большой зной вдругъ открылся фонтанъ живой струи и жаждущіе спѣшили наперерывъ подставить хоть горсть свою, чтобы получить хоть капли живительной влаги. У о. Іоанна лицо было измученное, но торжествующее. Такое лицо бываетъ у матери, родившей послѣ трудной болѣзни дитя, да у побѣдителя воина послѣ битвы на жизнь и смерть.

Началось причащеніе Святыхъ Таинъ. Въ молитвѣ предъ причащеніемъ о. Іоаннъ два раза читалъ: „Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя пріими“... и т. д... Служащіе при храмѣ: староста, его помощникъ, псаломщики, сторожа и даже два полицейскихъ и квартальный впускали народъ за первую рѣшетку *) по нѣсколько человѣкъ, которые врядъ и подходили къ Святой Чашѣ ко второй рѣшеткѣ, за которой стоялъ о. Іоаннъ. Послѣ молитвы ко Св. Причащенію о. Іоаннъ сказалъ: „други мои, чтобы было больше порядка, раздѣлитесь на три группы и подходите одни ко мнѣ, другіе къ о. Андрею, а прочіе къ о. Николаю“.

*) Въ Андреевскомъ соборѣ солею принуждены были отгородить двумя рѣшетками на разстояніи аршинъ двухъ одна отъ другой.

Не смотря на эту просьбу о. Іоанна и усердіе служащихъ о поддержаніи порядка, все таки въ соборѣ произошелъ сильный шумъ и крикъ отъ давки, тѣсноты. Передніе, напираемые задними, кричали: „ой, ой! батюшки, помогите! оттѣсните назадъ! умираю!“ и проч. въ этомъ родѣ. Одну даму такъ прижали къ рѣшеткѣ, что студенты вытащили ее вверхъ черезъ рѣшетку на амвонъ еле живую. Носили нѣкоторые воду и брызгали на горячія лица и головы придавленныхъ въ толпѣ. Многіе простирали къ намъ руки... Квартальный бѣгалъ по солеѣ и кричалъ: „отступите задніе назадъ! Это скотъ, а не народъ! Сейчасъ только плакалъ, каялся, а теперь вотъ что дѣлаетъ!“ Произошла даже ссора между нимъ и городовымъ. Вообще безпорядокъ былъ ужаснѣйшій! Намъ говорили, что никогда не было такъ много народу, какъ теперь, въ виду скораго отъѣзда о. Іоанна на родину на лѣтнее время.

Послѣ я читалъ въ газетахъ сообщеніе, что въ Андреевскомъ соборѣ бывали смертные случаи отъ давки.

Происходящее казалось большимъ соблазномъ. О. Іоаннъ молчалъ, внимательно причащая подходящихъ, а между тѣмъ казалось, скажи онъ слово—и всѣ послушались бы! Меня успокоило то обстоятельство, что и эта давка не прошла даромъ для нравственнаго назиданія. Одна женщина, терпѣливо выносившая давку, сказала: „это тутъ такъ жарко, какъ же будетъ въ аду?!“ Мой близкій товарищъ, добрѣйшій Никаноръ Викторовичъ Орловъ, *) сказалъ мнѣ: „неразумно соблазняться этимъ! видишь, эти страданія дополняютъ подвигъ покаянія!“

О. Іоаннъ причащалъ часа два. Къ другимъ священникамъ подошло только человѣкъ по десяти, и они давно уже ушли въ Алтарь. Началась уже поздняя Литургія въ боковомъ Алтарѣ, а причастники отъ ранней Литургіи все еще подходили и подходили. Одного господина о. Іоаннъ почему то не допустилъ до Причастія. Наконецъ, когда всѣ уже причастились, тотъ же г. Зыбинъ громко прочелъ молитвы послѣ Причащенія. О. Іоаннъ, сдѣлавъ отпускъ, сказалъ громко и какъ то весело, обращаясь къ народу: „честь имѣю поздравить васъ, братья и сестры, съ принятіемъ Св. Таинъ!“ Всѣ шумно загудѣли: „покорно благодаримъ, дорогой нашъ батюшка!“ Стали выходить изъ храма. Отъ о. Іоанна послѣдовало „на чаекъ“ городовымъ за труды. Мы также поспѣшили домой, получивъ отъ о. Іоанна по просфорѣ и обѣщаніе зайти къ намъ черезъ полчаса.

*) Черезъ 10 лѣтъ послѣ этого—увы!—убитый въ Пензѣ семинаристами, будучи ректоромъ-архимандритомъ

Въ началѣ 12-го часа мы сошли на площадку въ 3-мъ этажѣ ожидать о. Іоанна. Онъ, дѣйствительно, скоро пріѣхалъ, о чемъ можно было догадаться по шуму внизу. У насъ въ это время накрывали столъ къ обѣду. О. Іоанна звали къ какому то пріѣзжему больному, но по ошибкѣ провели на 4 этажъ къ намъ. О. Іоаннъ спросилъ псаломщика: „гдѣ же больной?“ Тотъ отвѣтилъ: „тамъ, батюшка, внизу!“ „Что же ты не провелъ меня туда?! веди сейчасъ!“ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ сказалъ ему о. Іоаннъ. Мы всѣ спустились за о. Іоанномъ внизъ въ 3-й этажъ.

Минутъ черезъ 20 онъ вышелъ отъ больного, и мы провели его къ себѣ. По прочтеніи „Отче нашъ“ о. Іоаннъ благословилъ трапезу и сказалъ: „ну, друзья, я съ вами немного перекушу, а обѣдать Вы будете безъ меня: мнѣ некогда!“ Потомъ, какъ и въ первый разъ, о. Іоаннъ, наливъ каждому изъ насъ по рюмкѣ вина, чокнулся, сказавъ: „за здоровье ваше“! и благодарилъ за то участіе и вниманіе, какія ему оказаны были профессорами и студентами Москов. Академіи въ пріѣздъ его туда 15—17 января 1895 года. (Я въ то время былъ въ отпуску, а потому и сказалъ выше, что о. Іоанна видѣлъ впервые въ Кронштадтѣ). Мы въ свою очередь наперерывъ другъ предъ другомъ благодарили его за пріемъ и вниманіе, какое онъ намъ оказалъ. Онъ отвѣтилъ, что мы всѣ дѣти одной „almae matris“—высшей духовной школы, которой онъ обязанъ всѣмъ, что онъ имѣетъ, и считаетъ ея питомцевъ своими друзьями. Тогда одинъ изъ насъ, по нашему предварительному уговору, попросилъ о. Іоанна сняться съ нами группою у фотографа Шаумана. О. Іоаннъ отвѣтилъ, что ему некогда. Мы, увидѣвши, что это не совсѣмъ невозможно, обрадовались и всѣ ужъ пристали съ просьбой: „батюшка, снимитесь! Мы все приготовимъ и насъ снимутъ за пять минутъ! вѣдь, это не много времени у Васъ отниметъ!“ О. Іоаннъ согласился, сказавъ: „хорошо, если не долго, а то мнѣ приходилось долго позировать предъ Императорскимъ художникомъ! Его Величеству угодно было, чтобы на медали въ память его бракосочетанія была и моя физіономія вмѣстѣ съ протопресвитеромъ Янышевымъ и еще однимъ протоіереемъ“. Мы горячо благодарили его за согласіе.

Простившись съ нами, какъ и въ первый разъ, о. Іоаннъ уѣхалъ къ пристани, чтобы ѣхать въ Петербургъ; туда онъ ѣздилъ ежедневно. На нашъ вопросъ: куда, именно, онъ поѣдетъ, къ кому? онъ отвѣтилъ: „куда повезутъ, туда и ѣдемъ!“ Изъ объясненій псаломщика мы узнали, что дѣйствительно только такъ и можно отвѣтить. Дѣло въ томъ, что получались телеграммой приглашенія къ о. Іоанну отъ многихъ лицъ. Списокъ ихъ имѣлъ при себѣ псаломщикъ о. Іоанна. При выходѣ съ пристани псаломщикъ вызывалъ экипажъ перваго, кто стоялъ въ спискѣ, а случалось, что этого кучера опережалъ другой и везъ въ другой домъ, стоявшій во 2-й или 3-ей очереди. Однимъ словомъ, поступали съ о. Іоанномъ „на расхватъ“. Онъ съ этимъ, повидимому, примирился, считая, что все, случающееся съ нимъ, бываетъ по Промыслу Божію. Такъ же благодушно перенесъ онъ и тотъ необыкновенный случай, когда его зимою, да еще и ночью, кучеръ, погнавъ лошадь по ухабамъ, выкинулъ изъ саней по дорогѣ изъ Ораніенбаума по морю и не замѣтивъ пріѣхалъ въ въ Кронштадтъ безъ смиреннаго сѣдока.

Послѣ отъѣзда о. Іоанна мы обѣдали съ большимъ оживленіемъ по поводу всего пережитаго.

Оставалось до Всенощной часа три времени. Мы успѣли хорошо осмотрѣть храмъ въ Домѣ Трудолюбія, ризницу и кабинетъ о. Іоанна. Все было чисто и благолѣпно. Въ Алтарѣ между прочимъ поразило насъ то, что тамъ устроенъ потайной выходъ для отца Іоанна, иначе его въ домовой церкви могли бы очень стѣснять. Въ ризницѣ поразили насъ обиліе, красота и цѣнность облаченій, подаренныхъ о Іоанну; между ними особенно выдавались двѣ ризы, подаренныя покойнымъ Государемъ Александромъ III, стоимостію въ тридцать тысячъ рублей. Въ кабинетѣ о. Іоанна альбомы, картины, иконы и проч. не были размѣщены въ строгомъ порядкѣ. Видно, что по мѣрѣ того, какъ ему что-либо дарили, все ставилось и клалось, гдѣ было мѣсто. Послѣ осмотра мы стали на клиросъ пѣть Всенощную. Народу было очень много.

Послѣ Всенощной нѣкоторые изъ насъ познакомились съ богатой владѣлицей пароходовъ на Амурѣ, пріѣхавшей благодарить о. Іоанна за какую то молитвенную помощь. Она привезла отцу Іоанну нѣсколько кусковъ муаровой шелковой матеріи на рясы, золотую кадильницу и лампадку. Мы поняли, почему у о. Іоанна такія расписныя рясы! Онѣ соотвѣтствовали вкусамъ не о. Іоанна, а дарящихъ, „служащихъ ему отъ имѣній своихъ“. Отецъ же Іоаннъ, какъ чудныя дѣла свои, такъ и привязанность за нихъ къ нему людей, выражающейся въ подаркахъ, умѣлъ относить къ славѣ Божіей. „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему!“—было его девизомъ!

4-го іюня, въ Воскресеніе, мы, пришедши часовъ въ 5 утра въ Соборъ, уже застали тамъ о. Іоанна. Поздоровавшись съ нимъ, мы стали на клиросъ. О. Іоаннъ читалъ въ этотъ день канонъ на клиросѣ. Когда онъ шелъ на клиросъ къ аналою, то зацѣпился концомъ

епитрахили за аналой и читалъ нѣкоторое время канонъ, не замѣчая, что конецъ епитрахили зацѣпившись висѣлъ на аналоѣ сбоку. Случился и еще одинъ курьезъ. Чья то рука протянулась сквозь рѣшетку и хотѣла схватить о. Іоанна за рясу. Старый псаломщикъ во время замѣтилъ это и шлепнулъ по протянутой рукѣ, которая поспѣшно спряталась. О. Іоаннъ невозмутимо продолжалъ бесѣдовать съ Богомъ словами канона. Читаетъ онъ, какъ разговариваетъ, и читая представляетъ ясно въ памяти и воображеніи тѣхъ, за кого возносится молитва. Вотъ онъ читаетъ, напр., слова: „укрѣпи (Боже) крестоноснаго Императора на хульныя враги“ и т. д.; живо представляя себѣ, о комъ онъ молится, онъ находитъ, что слова молитвы этой не достаточно полно выражаютъ его представленіе, и онъ съ силою вставляетъ свои слова, и чтеніе получается въ слѣдующемъ измѣненіи: „укрѣпи крестоноснаго Императора *нашего юнаго* на хульныя враги“ *) и т. д. Мы съ умиленіемъ слѣдили за его чтеніемъ, и намъ очень понравилась указанная сейчасъ особенность.

Литургію въ этотъ день о. Іоаннъ служилъ въ маломъ боковомъ Алтарѣ. За тѣснотою мы, къ сожалѣнію, лишены были великаго утѣшенія стоять въ немъ; нѣкоторымъ изъ насъ удалось помѣститься въ боковомъ проходѣ, откуда хорошо слышно было все, что о. Іоаннъ говорилъ. Намъ казалось, что о. Іоаннъ еще больше, чѣмъ въ прежніе дни, проявлялъ свой молитвенный духъ; можетъ быть потому, что въ Алтарѣ никого кромѣ сослужащихъ іереевъ не было и никто не отвлекалъ его вниманія. Выраженіе голоса о. Іоанна варьировалось. Раздавался то властный голосъ хозяина, знающаго хорошо свое дѣло, то побѣдоносный голосъ борца не съ плотію и кровію, а съ міродержателями тьмы вѣка сего, то смиреннѣйшій, кротчайшій гласъ чада Божія, взывающаго „Авва, Отче“... Кто слышалъ и видѣлъ службу о. Іоанна, тотъ вспомнитъ эти характерныя модуляціи возгласовъ его, а передать ихъ нельзя не только словами, но и музыкой.

На Великомъ Входѣ я вышелъ на солею и не узналъ лица о. Іоанна! Оно было бѣло, свѣтло, молодо; о. Іоанну было лѣтъ подъ 70, а онъ казался лѣтъ по крайней мѣрѣ тридцати! Тутъ я опытно убѣдился, что молитва преображаетъ лицо человѣка, и тотъ нимбъ, который изображается вокругъ головы святыхъ, взятъ изъ самой реальной дѣйствительности; его можно было бы запечатлѣть цвѣтною фотографіей!

Послѣ Литургіи о. Іоаннъ сказалъ сослужащимъ іереямъ: „раздѣлимъ, братіе, святую чашу“. И послѣ этого каждый подходилъ къ чашѣ на жертвенникѣ и потреблялъ часть святыхъ Даровъ. —Это тоже достойная примѣчанія особенность!

Послѣ Литургіи о. Іоаннъ далъ намъ по просфорѣ, а нѣкоторымъ и теплоты. Причемъ послѣдняя подается тамъ очень горячая. Потомъ о. Іоаннъ среди множества присутствовавшихъ въ большомъ Алтарѣ быстро прошелъ въ другой боковой Алтарь. Мы хотѣли было за нимъ послѣдовать, но сторожъ пасъ не пустилъ, сказавъ, что о. Іоаннъ перемѣняетъ тамъ бѣлье свое, такъ какъ за службой очень потѣетъ.

Мы поспѣшили въ Домъ трудолюбія. Во многихъ номерахъ его были пріѣзжіе изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Каждому хотѣлось видѣть о. Іоанна у себя въ номерѣ. Каждый приготовлялъ на столѣ вазу съ водой для освященія, а нѣкоторые и угощеніе о. Іоанну. Кромѣ того, въ залѣ находится еще большой металлическій сосудъ для освященія воды и служится общій молебенъ. И тамъ было человѣкъ со сто или больше. Мы безпокоились, что за исполненіемъ этихъ требъ у о. Іоанна не хватитъ времени, чтобы съ нами сняться. Но опасенія наши оказались напрасными. О. Іоаннъ всѣ успѣлъ сдѣлать. Нѣкоторые изъ насъ ходили за нимъ съ псаломщикомъ по номерамъ и видѣли, какъ о. Іоаннъ служилъ молебны съ водосвятіемъ. Входитъ онъ съ псаломщикомъ въ номеръ и сейчасъ же поютъ тропарь тому святому, коего образъ находится въ комнатѣ, потомъ одну изъ стихиръ водосвятнаго молебна, а непосредственно послѣ этого о. Іоаннъ погружаетъ крестъ въ воду съ пѣніемъ: „Спаси, Господи, люди твоя!“ и произноситъ сугубую ектенію не полную, а только о здравіи тѣхъ, кто записанъ въ лежащей на столѣ запискѣ. Въ залѣ немного больше пропѣли тропарей и читалось Евангеліе, а затѣмъ тотъ же чинъ.

Кто нибудь скажетъ: соблазнъ! а иной и укоритъ. Я доподлинно знаю, что покойный старецъ въ Черниговскомъ Скиту, близъ Сергіева Посада, извѣстный за прозорливца, отецъ Варнава очень не любилъ о. Іоанна, осуждая его за сокращеніе службъ церковныхъ. Но можно не обинуясь сказать, что еслибы и отца Варнаву поставить въ тѣ же условія, въ какихъ жилъ отецъ Іоаннъ, то и онъ такъ бы дѣлалъ. Вѣдь о. Іоаннъ не имѣлъ и шести часовъ въ сутки совершенно свободныхъ, чтобы могъ хоть главу для сна подклонити, и то не успѣвалъ всѣхъ удовлетворить! Онъ за долго до смерти пересталъ читать письма, ему адресованныя, за совершенною невозможностію. Было особое лицо, которое читало ихъ

*) См. Октоихъ 4 гл.

и дѣлало докладъ о. Іоанну. Какъ же ему возможно было бы служить всякую требу въ полномъ ея видѣ?! По нуждѣ и премѣненіе закона бываетъ. Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка! *)

Послѣ окончанія молебна въ домѣ трудолюбія отецъ Іоаннъ поѣхалъ къ фотографу, у котораго всѣ мы уже собрались и ждали. Взошедши на 4-й этажъ, гдѣ была фотографія, о. Іоаннъ замѣтно усталъ. Его попросили присѣсть, отдохнуть. Фотографъ сказалъ ему: „батюшка, сегодня 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я первый разъ Васъ снималъ!“ „Развѣ?“ спросилъ о. Іоаннъ. Фотографъ отвѣтилъ: „да, ровно 20 лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ сюда и въ тотъ же годъ, въ это именно время впервые снялъ Васъ, и потому у меня сегодня юбилей, и я Васъ прошу, батюшка, не отказать раздѣлить съ нами трапезу.“ Всѣ улыбнулись, видя, что о. Іоаннъ не можетъ отказать въ любезности. Сейчасъ пошли мы всѣ въ павильонъ. Фотографъ разсадилъ насъ и сталъ внимательно смотрѣть въ камеръ-обскуру. О. Іоаннъ сказалъ намъ: „теперь, господа, на насъ смотритъ строгій критикъ!“ А когда фотографъ говорилъ ему: „поправьтесь, батюшка, сядьте вотъ такъ, положите руку вотъ сюда“, то о. Іоаннъ, улыбаясь, отвѣчалъ ему: „какъ вамъ угодно! мы въ вашемъ полномъ распоряженіи!“ „Теперь еще одна просьба къ Вамъ, батюшка“—сказалъ фотографъ. „Какая?“ —живо и внимательно спросилъ о. Іоаннъ. „Смотрите веселѣе!“—сказалъ тотъ. Всѣ и о. Іоаннъ улыбнулись. Когда фотографъ удалился проявлять пластинку, о. Іоаннъ обратилъ наше вниманіе на изобрѣтенія ученыхъ. „Когда—говоритъ—я учился въ училищѣ, то и не слыхалъ о фотографіи; а теперь смотрите—сколько изобрѣтеній!“ О. Михей, кажется, сказалъ, что къ сожалѣнію изобрѣтаютъ и орудія къ уничтоженію человѣка. О. Іоаннъ отвѣтилъ: „да, правда! теперь миръ, но вооруженный пушками!“

Фотографъ и жена его—милая, добрая старушка—пригласили всѣхъ къ завтраку. Съ нами, между прочимъ, былъ и одинъ семинаристъ 6 класса Рязанской Духовной Семинаріи. За завтракомъ отецъ Михей сказалъ о. Іоанну: „вотъ этотъ молодой человѣкъ—семинаристъ хочетъ принять монашество и жить на Аѳонѣ; какъ Вы, батюшка, посовѣтуете?“ О. Іоаннъ спросилъ семинариста: „а сильное ли имѣете желаніе? серьезное ли, обдуманное ли?“ Тотъ отвѣтилъ, что болѣе сильнаго желанія онъ и представить не можетъ. О. Іоаннъ не далъ ему прямого отвѣта, поступить туда или нѣтъ, а сказалъ такъ: „поступающій на Аѳонъ—въ удѣлъ пречистой Богоматери много найдетъ у Нея помощи и утѣшенія; много будетъ искушенія, захочется вернуться на родину и проч., но много будетъ и благодатной помощи!“

Послѣ я слышалъ, что семинаристъ этотъ на Аѳонъ не поѣхалъ, а женился и благополучно священствуетъ.

При прощаніи съ хозяевами о. Іоаннъ взялъ за голову хозяйку старушку и поцѣловалъ ее въ лобъ. Она много говорила ему о своихъ болѣзняхъ и скорбяхъ житейскихъ, и онъ выразилъ ей сочувствіе такою высшею ласкою. Мы тоже совсѣмъ уже прощались съ о. Іоанномъ. Въ тотъ же день мы должны были ѣхать уже по разнымъ направленіямъ: большинство домой на родину, а нѣкоторые на Валаамъ. О. Іоаннъ чрезъ отца Михея снабдилъ насъ пособіемъ „не мѣрою“, а щедрою рукою.

Мы всѣ пошли провожать о. Іоанна. На первой площадкѣ лѣстницы къ нему обратился съ просьбой о помощи какой-то офицеръ. О. Іоаннъ поспѣшно засунулъ руку въ боковой карманъ своей рясы и подалъ, не считая, нѣсколько ассигнацій просителю. При выходѣ изъ дому о. Іоанна окружила порядочная толпа народу. Многіе просили денегъ. О. Іоаннъ нѣкоторымъ давалъ, а одной женщинѣ, просившей для себя и своихъ дѣтокъ, сказалъ: „я, вѣдь, уже далъ тебѣ!“ Но женщина не отставала, и о. Іоаннъ далъ ей какую то ассигнацію. Толпа росла; о. Іоанна тѣснили; мы едва удерживали натискъ толпы на о. Іоанна. Тогда псаломщикъ, человѣкъ сильный, схватилъ его почти на руки и посадилъ въ экипажъ—простую одноконку, и самъ сѣлъ возлѣ него, обхвативъ его обѣими руками; въ это время извозщикъ дернулъ и покатилъ во всю мочь. Нѣкоторые мужчины и женщины хватались за экипажъ и гнались за о. Іоанномъ, дергая иногда за его рясу. Извощикъ ѣхалъ быстро, почти всѣ отстали, а одна женщина неугомонная бѣжала все время, пока экипажъ скрылся за поворотомъ улицы. Намъ говорили, что иногда такимъ лицамъ удавалось попадать въ самый экипажъ.—Далеко до него „простому сельскому доброму батюшкѣ!“ подумалъ я теперь, провожая взглядомъ отца Іоанна.

Послѣ отъѣзда о. Іоанна мы осмотрѣли на рейдѣ одинъ броненосецъ, лежащій теперь—увы—на днѣ океана и крейсеръ Азію. Мор-

*) Ни для кого не тайна, что во всѣхъ приходахъ не все строго исполняется по уставу, а съ нѣкоторыми сокращеніями, вызываемыми нуждою. Святая Церковь сама имѣетъ сокращенные чины совершенія на дому причащенія больного, крещенія больного младенца и др. Вопросъ въ томъ, какъ сокращать? Примѣромъ никакъ не можетъ служить, напр., то сокращеніе панихиды, какое наблюдается почти во всей Россіи и, къ удивленію, даже въ нѣкоторыхъ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ. Вмѣсто всего глубоко содержательнаго тропаря: „Глубиною мудрости человѣколюбно вся стояй“... поютъ только послѣднія слова: „Творца и Зиждителя и Бога нашего“. Ни подлежащаго, ни сказуемаго и никакого смысла! Такое сокращеніе должно быть признано безсмысленнымъ и кощунственнымъ.

скіе офицерскіе чины узнали въ о. Михеѣ прежняго сослуживца и намъ оказали большую любезность въ осмотрѣ суденъ.

Къ вечеру мы оставили Кронштадтъ тѣлами, но мыслію, душою навсегда съ нимъ соединились. Съ того времени одной изъ главныхъ мечтой было—опять пріѣхать туда, опять видѣть и слышать о. Іоанна, и—слава Богу—мечта эта еще трижды осуществлялась.

Я подробно познакомился съ біографіей о. Іоанна, его поученіями и особенно съ его дневникомъ, который напечатанъ въ извлеченіяхъ подъ заглавіемъ „Моя жизнь во Христѣ“; „Правда о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ“ и др.

Біографія его чисто „житійнаго“ характера. Изъ неразвитаго, малоуспѣшнаго мальчика онъ сдѣлался, по молитвѣ къ Николаю угоднику, способнымъ и развитымъ. Никогда не бывши до назначенія въ Кронштадтѣ, видитъ во снѣ всю обстановку Андреевскаго собора. Творитъ, безъ сомнѣнія, чудеса и видитъ благодатныя видѣнія, о которыхъ иногда попадаются описанія въ „Жизни во Христѣ“.

Его духовному росту содѣйствовалъ много его обычай вести дневникъ, находящійся теперь въ подлинникѣ у одного Московскаго священника—друга о. Іоанна. Я имѣлъ счастіе видѣть шесть большихъ тетрадей этого дневника, хранимаго, какъ святыня, въ переплетахъ, величиной, какъ среднія конторскія книги. Свой дневникъ о. Іоаннъ называетъ своимъ духовнымъ зеркаломъ, своей духовной фотографіей, своей духовной житницей. Далеко не все напечатано изъ этого интереснаго дневника! И объ этомъ нужно жалѣть! Онъ можетъ служить настольной книгой всякому христіанину и особенно пастырю; въ то время, какъ нельзя того же сказать о самомъ лучшемъ сочиненіи по нравственному ученію христіанскому, написанномъ аскетами, монахами.

Теперь, при воспоминаніи объ о. Іоаннѣ, я спрашиваю себя: что для меня больше имѣло значенія? Онъ или Академія? и склоненъ отвѣтить въ пользу перваго.

Да, мы видѣли глубоко вѣрующаго дерзновеннаго молитвенника, мы видѣли неусыпаемаго пастыря, мы видѣли необычайнаго ласковаго, добраго человѣка, „ядцу и винопійцу, друга мытаремъ и грѣшникомъ“, *) чуждаго въ своихъ взглядахъ, словахъ и поступкахъ всякой „футлярности“, мы видѣли—не боюсь сказать—святого человѣка! Мы счастливы, что жили въ его эпоху! Съ того времени все, что говорится и пишется о немъ, составляетъ предметъ моего главнаго интереса. Многое мною выписано о немъ изъ газетныхъ и журнальныхъ замѣтокъ и статей.

Думаю, что читателямъ интересно будетъ съ нѣкоторыми выписками познакомиться. Самой интересной, я думаю, будетъ выписка изъ брошюры извѣстнаго профессора психіатра А. И. Сикорскаго, написанной по поводу пріѣзда о. Іоанна въ Кіевъ въ 1893 году. Сикорскій не отставалъ отъ него ни на часъ, изучалъ его и вотъ что между прочимъ пишетъ.

„Можно сказать, что въ теченіе почти цѣлаго дня о. Іоаннъ находится въ состояніи величайшаго психическаго возбужденія, которое является то въ формѣ молитвы безъ словъ; то въ видѣ возвышеннѣйшаго настроенія, граничащаго съ молитвой, то, наконецъ, въ формѣ мысленнаго переживанія высшихъ идеаловъ. Можно сказать, что то возвышенное настроеніе, которое у обыкновеннаго человѣка наступаетъ изрѣдка, въ исключительныя минуты, у о. Іоанна является обычнымъ и не оставляетъ его почти въ теченіе цѣлаго дня. О. Іоаннъ представляется обыкновеннымъ человѣкомъ лишь въ минуты крайняго утомленія или во время принятія пищи; во все же остальное время дня онъ находится въ состояніи возвышеннѣйшаго одушевленія, и живетъ самой полной, самой широкой идеальной жизнью, какая только доступна человѣку. Внѣшнія впечатлѣнія застаютъ его всегда готовымъ къ той удивительной высокой душевной реакціи, которая такъ поражаетъ наблюдателя и такъ глубоко и благотворно дѣйствуетъ на всѣхъ... Основную видимую черту характера о. Іоанна составляетъ искренность, кротость и величайшая любовь къ человѣку; съ этими качествами неразлучно связана ласковость въ отношеніи къ людямъ и обаятельность, превосходящая всякія ожиданія. Все это написано на лицѣ о. Іоанна, и всякій, кто даже въ первый разъ видитъ этого человѣка, вѣруетъ и уповаетъ... На лицѣ о. Іоанна и во всемъ внѣшнемъ видѣ его отпечатлѣны необыкновенная доброта, кротость и привѣтливость, и намъ вполнѣ понятно стремленіе массъ видѣть о. Іоанна, взглянуть на него. Въ этомъ стремленіи несомнѣнно сказывается потребность видѣть этого исключительнаго, истиннаго человѣка — видѣть и поучаться“. *)

А вотъ и характерный фактъ изъ жизни о. Іоанна, свидѣтельствующій истинность выше-

*) Извѣстно, что многіе соблазнялись тѣмъ, что о. Іоаннъ принималъ угощеніе яствами, конфектами и винами, и называли его, какъ когда то Господа называли фарисеи, любителемъ покушать, попить, полакомиться...

Но въ данномъ случаѣ о. Іоаннъ только подражалъ Спасителю, бывавшему на „вечеряхъ“ неоднократно и учившему въ то же время остерегаться отъ отягощенія объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими. О. Іоаннъ пользовался предлагаемымъ лишь настолько, чтобы не огорчить отказомъ угощавшихъ.

*) См. „О. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ Кронштатдскій и его пребываніе въ Кіевѣ“. Кіевъ. 1893 г.

приведенной характеристики. Одинъ еврей изъ Симферополя написалъ о. Іоанну въ іюлѣ 1896 года письмо съ просьбой помолиться о его больномъ сынѣ—младенцѣ. Отецъ Іоаннъ отъ 1 августа 1896 г. отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ: „Абрамъ Борисовичъ! отвѣчаю на твое письмо, въ которомъ просишь меня молиться о своемъ больномъ младенцѣ Давидѣ. Я уважаю еврейскій родъ ради Авраама, Исаака и Іакова, Моисея, Давида и всѣхъ праведныхъ въ родѣ еврейскомъ, и тебя, какъ вѣрующаго въ общаго всѣмъ Господа и просящаго у священника христіанскаго молитвы о твоемъ чадѣ. Молю Господа, предъ Которымъ пишу эти строки, исцѣлить твоего малютку Давида ради Имени Его и утѣшить тебя и жену твою. Да прославится Его Имя святое во вѣки!“ *).

По поводу отношенія народа и интеллигенціи къ о. Іоанну мнѣ хотѣлось бы высказать нѣсколько мыслей объ о. Іоаннѣ, какъ знаменіи времени, въ сравненіи съ его антиподомъ, недавно умершимъ Л. Н. Толстымъ.

Какъ извѣстно, теперь повсюду поднимается шумъ вокругъ имени этого писателя его почитателями. Дѣло желаютъ представить такъ, какъ бы усопшій недавно писатель былъ властителемъ думъ всего русскаго народа или по крайней мѣрѣ образованной его части и даже всего міра.

Кто изъ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, больше имѣлъ значенія для русскихъ, хотя бы взять только образованныхъ? такъ какъ о большей склонности простонародья къ о. Іоанну и спорить никто не станетъ. Кого больше хотѣли видѣть? къ кому больше приходили? у кого больные учились жизни? вообще, въ чью сторону вѣсы симпатій больше наклонялись?

По моему мнѣнію, основанному на чтеніи того, что писалось о Толстомъ и его посѣтителяхъ, о „деревѣ бѣдныхъ“ и проч. и на личномъ знакомствѣ съ тѣмъ, что было вокругъ о. Іоанна, больше симпатій возбуждалъ о. Іоаннъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое „дерево бѣдныхъ“, у котораго собирались кучками за подаяніемъ нищіе, въ сравненіи съ грандіознымъ „домомъ трудолюбія“ о. Іоанна?! Что такое „паломничество“ на могилу Толстого въ сравненіи съ паломничествомъ на могилу о. Іоанна?! Печать, не смотря на всѣ усилія, ничего особеннаго не можетъ сказать къ славѣ Толстого и пробавляется даже такими конфузными отмѣтками, что, молъ, и сегодня посѣтило могилу человѣкъ шесть пріѣзжихъ! Стыдно, господа почитатели! лучше бы молчали о такомъ мизерномъ числѣ! посмотрѣли бы сколько ежедневно бываетъ у гробницы о Іоанна, и не въ первые дни послѣ его смерти, а вотъ уже третій годъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Лишній разъ подтверждается, что „въ память вѣчную будетъ праведникъ“. Память же нѣкоторыхъ великихъ погибаетъ съ шумомъ, который они производятъ.

О. Іоаннъ былъ популярнѣе не только Л. Н. Толстого, но популярнѣе всѣхъ святыхъ въ нашемъ отечествѣ. По крайней мѣрѣ изъ житій даже такихъ угодниковъ, какъ Сергій Радонежскій и Серафимъ Саровскій, не видно, чтобы они были популярнѣе. Современнымъ отцу Іоанну подвижникомъ былъ Вышенскій затворникъ епископъ Ѳеофанъ, очень ученый и святой человѣкъ, но онъ не былъ такъ популяренъ. Причина этому та, что о. Іоаннъ ближе былъ къ міру, жилъ и дѣйствовалъ, какъ пастырь, „былъ всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасетъ“, былъ примѣромъ для живущихъ въ мірѣ, для гораздо болѣе широкаго круга, чѣмъ прочіе подвижники, жившіе больше монашескими идеалами. О. Іоаннъ представляетъ собою новый типъ подвижника въ святой Руси!

Фактъ его исключительной популярности среди всѣхъ классовъ и состояній служитъ весьма отраднымъ показателемъ или знаменіемъ того, что въ русскомъ обществѣ въ корнѣ лежитъ церковный идеалъ жизни. Дайте ему руководителей съ искрою, и онъ пойдетъ за ними ко Христу. Жатвы много, дѣлателей мало!

Я кончилъ свои воспоминанія о паломничествѣ къ о. Іоанну. Пусть каждый въ сто разъ, въ тысячу разъ увеличитъ и украситъ нарисованный здѣсь слегка портретъ о. Іоанна и тогда онъ будетъ далекъ еще отъ истины.

О. Іоаннъ принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, которыхъ полная оцѣнка и характеристика возможна только для будущихъ поколѣній, какъ это бываетъ со всѣми великими людьми!

Законоучитель Курскаго Реальнаго училища
священникъ *Іоаннъ Тарасовъ.*

17 дек. 1910 г.

*) См. Рус. Вѣд. за Августъ 1896 года.